

РЕАЛИЗАЦИЯ СВЯЗНОСТИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА НА ЛИТОВСКИЙ

СНЕГУОЛЕ ЛИБЕРЕНЕ

Проблематика текста сложна и многогранна. В состав текста входят предложения, организующие его смысловую структуру. Эти предложения связаны между собой тем или иным способом. Текст немислим вне связности, конституирующего его признака [Кожевникова, 1979, с. 50]. Связность сегментов текста достигается разнообразными языковыми средствами. Компоненты, обеспечивающие когерентность текста, должны быть отражены и по возможности точно переданы и при переводе с одного языка на другой, так как связность является необходимым условием вербальной коммуникации. Информация облекается в форму законченного комплекса, и перевод должен отразить семантическую общность компонентов данного комплекса; а это невозможно без учета тех языковых средств, которые выражают саму общность. Перевод не может быть успешным, если он не отражает внутренних качеств текста, т. е. если не раскрыта взаимная организация предложений и не найдены соответствующие механизмы в переводном тексте. В настоящей статье анализируется реализация признаков связности при переводе текстов художественной прозы с французского языка на литовский. Материалом для анализа послужили синтаксические единицы низшего порядка – сверхфразовые единства. В основном привлекались сверхфразовые единства трех функциональных типов: дескриптивного, нарративного и экспозиционного. Сверхфразовое единство дескриптивного типа – это тот сегмент текста, целью которого является констатация наличия предметов, размещения их в пространстве. Имманентными свойствами описания являются статичность, однократность и лексикологический статус, так как „описание... фокусируется... на лексических структурах текста“ [Намон, 1981, р. 44]. Нарративный тип представляет собой сообщение о действиях, развивающихся во времени. В сверхфразовых единствах данного типа имеет место смена временного плана, используются обстоятельственные союзы [Зарубина, 1979, с. 107]. К экспозиционному типу относятся сверхфразовые единства, содержащие анализ и синтез концептуальных представлений [Ross, 1982, р. 58]; их структуре свойственны модальные слова, причинно-следственные конструкции и т.п.

Организация предложений в сверхфразовые единства разного типового содержания достигается разнообразными языковыми средствами; а так как каждый язык отличается своеобразием лексико-грамматического строя, только тщательный выбор и комбинирование этих средств при переводе обеспечивают полное отражение семантической структуры подлинника.

Какие условия определяют то, что последовательность предложений становится текстом? Во-первых, текст должен прогрессировать, т.е. он должен постоянно поставлять новую информацию; во-вторых, любой текст подчиняется закону повторения: связность текста реализуется при помощи повторения уже известных элементов [Woodley, 1982, p. 57]. Главным организатором связности текста можно считать диафору, которая подразделяется на анафору и катафору. Основными ресурсами диафоры являются: повтор, субституция (местоимения и лексические субституты) и номинализация. Диафора может быть сегментальной, когда она отсылает к одному из предыдущих элементов, или резюмивной, когда резюмирует содержание целого предложения или даже нескольких предложений.

Перейдем к конкретному анализу фрагментов текста: *Puis elle redevint tout à fait sauvage et cessa de venir me voir peindre. Je pensai: „C'est une crise, cela se passera“. Mais cela ne se passait point. Quand je lui parlais, maintenant, elle me répondait, soit avec une indifférence affectée, soit avec une irritation sourde* [Maupassant, 1974, p. 188].

В данном фрагменте нарративного типа в качестве средств связи предложений использованы местоимения *ce, cela* (анафора резюмивного типа) и местоимения *elle, lui, me* (анафора сегментального типа). Реализация связности абсолютно идентична и в литовском переводе: *Po to ji tapo visiškai laukinė ir neateidavo pasižiūrėti, kaip aš piešiu. Aš pamaniau: „Tai laikinas dalykas, tai praeis. Bet tai anaipiol nepraėjo. Kai dabar aš ją užkalbindavau, ji man atsakydavo arba pabrėžtinai abejingai, arba su užslėptu pykčiu* [Mopasanas, 1971, p. 116].

В структуру сверхфразовых единств нарративного типа часто входят элементы, подчеркивающие логические отношения данного сегмента с другими сегментами текста (чаще всего это элементы, указывающие темпоральные отношения): *Walter Schnaffs demeura d'abord immobile... Puis un désir fou de détalier le saisit... Alors, apercevant à six pas devant lui un large fossé..., il y sauta...* [Maupassant, 1974, p. 148].

Здесь наблюдаем использование наречий времени *d'abord, puis, alors* и анафорическое употребление местоимений *le, lui, il*, а также адвербиального местоимения *y*.

Аналогичен способ организации текстового фрагмента и при переводе: *Iš pradžių Valteris Šnafsas apstulbo... Paskui jį apėmė pašėlęs noras nešdintis to-*

гуп... *Tuomet*, pastebėjęs už šešių žingsnių nuo savęs platų griovį..., jis... šoko į jį... [Mopasanas, 1971, p. 77].

Что касается анафорических местоимений, то при переводе наблюдается одно несущественное несовпадение: адвербиальное местоимение *у* заменено личным местоимением с предлогом *į jį*, что не меняет ни семантической значимости, ни стилистической окраски переводного фрагмента. Следует отметить, что синтаксическая прономинализация является очень экономным способом реализации связности, но местоименный субститут может иногда быть двусмысленным (особенно это относится к местоимениям *le, ce, cela, ça*): Mon père a donc vécu sans Dieu. Je dois faire, du phénomène, une mention, même sommaire. On ne saurait *le* méconnaître quand on songe au monde moderne [Duhamel, 1978, p. 119].

Характерно, что переводчик, по-видимому, стараясь избежать двусмысленности местоименного субститута *le*, меняет синтаксическую структуру фрагмента: Taigi mano tėvas gyveno be dievo. Aš jo už tai nesmerkiu, tik konstatuoju patį faktą. Turiu nors bendrais bruožais pakalbėti apie netikėjimo reiškinių, toki būdingą mūsų laikams [Diūamelis, 1980, p. 65]. В результате отхода от синтаксической организации фрагмента при переводе происходит некоторое нарушение в представлении семантической структуры этого фрагмента.

В отличие от анафоры, которая отсылает к предшествующим предложениям, катафора обращена вперед: *Il arrivait aussi que mon père...*, n'attaquât pas franchement. Il laissait alors paraître tous les signes de ce que l'on pourrait appeler l'agitation préalable [Duhamel, 1978, p. 110].

Характерно, что при переводе катафорические отношения исчезают, они заменяются другими структурами: Neretai mano tėvas bodėdavosi ar nematydavavo reikalo pulti atvirai. Tada jis davinėdavo visus ženklus, kuriuos būtų galima pavadinti paguošiamaisiais veiksmiais [Diūamelis, 1980, p. 59].

Особенно это касается резомптивных катафор:

Ce que maman pouvait confier au poisson rouge..., je l'imaginai assez bien... L'hiver allait s'achever pour nous, dans une gène grandissante [Duhamel, 1978, p. 140].

Nors tada buvau nedidukas, lengvai numaniau, apie ką motutė šnekasi su žuvyte. Pavasariop mums pasidarė visai riesta [Diūamelis, 1980, p. 80].

Объем исследованного материала не позволяет теоретически объяснить данное явление, но можно предположить, что оно связано с тем, что в литовском языке выделительные конструкции употребляются реже, чем во французском. То, что при переводе фрагмент начинается не с катафоры, несколько препятствует полному отражению семантической структуры подлинника, так как исчезают важные элементы связности предложений. Еще одним элементом связности, употребляемым во французском языке и часто опускае-

мым при переводе на литовский, являются посессивные слова. Сравним фрагменты дескриптивного типа, содержащие качественную характеристику лица:

Papa ne répondit pas. // nous regardait avec un sourire en même temps affectueux et ironique. // n'avait pas quitté *son* pardessus... Il avait *son* chapeau melon sur la tête. Avec *ses* longues moustaches blondes, presque rousses, *ses* yeux bleus, *sa* belle prestance, *il* ressemblait à Clovis... [Duhamel, 1978, p. 32].

Tėtė nieko neatsakė. Žvelgė į mus šypsodamasis, kartu ir švelniai, ir ironiškai. Stovėjo su paltu kailine apykakle, nenusiėmęs skrybėlės. Dailaus stoto, mėlynakis, ilgais šviesiais, kone rusvais ūsais, jis panėšėjo į Chlodvigą... [Diuamelis, 1980, p. 6].

Как видим, в переводном фрагменте исчезли не только все посессивные слова, но и часть личных местоимений. Собранный материал свидетельствует: опускание местоимений при переводе встречается так часто, что данное явление нельзя считать случайным. По-видимому, это объясняется неодинаковой морфематической системой французского и литовского языков: литовские личные местоимения (особенно выполняющие функцию подлежащего), в отличие от французских, необязательны при личной форме глагола. Вообще можно сказать, что количество эксплицитных сегментных показателей текстовых отношений во французском языке превышает число таких показателей в литовском языке; это определяется синтетическим строем литовского языка. При отсутствии личных местоимений и слов с дефинитивной функцией для связывания текста при переводе должны быть найдены другие средства, и связность предложений часто выражается в имплицитном виде. Переход ранее реализованного члена в последующий текст в виде нулевого знака является такой же манифестацией его связности, как и местоименные субституты [Брачкова, 1979, с. 258].

Связность строится на базе различных лексико-грамматических средств. В лексическом плане широкий диапазон возможностей реализации связности представляет применение таких субститутов, как гиперонимы:

Il entendit pendant quelque temps encore *des détonations, des cris et des plaintes*. Puis *les clameurs de la lutte* s'affaiblirent, cessèrent [Maupassant, 1974, p. 148].

Dar kurį laiką jis girdėjo *šūvių, riksmų ir aimanų*. Paskui *kovos triukšmas* ėmė silpnėti ir pagaliau visai liovėsi [Mopasanas, 1971, p. 77].

Явления, обозначенные синтагмой *clameurs de la lutte*, идентифицируются с явлениями, обозначенными в предшествующем предложении, на той основе, что в относительно абстрактном и широком семантическом значении данной синтагмы умещаются более конкретные и более узкие по объему значения слов *détonations, cris, plaintes*. Ту же основу идентификации явлений представляет собой синтагма *kovos triukšmas* в литовском переводе. Гиперонимы

являются одним из компонентов формального аппарата связности текста; при переводе они могут стать источником немалых трудностей, так как употребление их требует точного понимания их нюансов.

К нормальному аппарату грамматики текста относится и номинализация. Номинализация представляет собой транспозитивный повтор [Брачкова, 1979, с. 256]. Как известно, повтор является необходимым условием связности текста. Логико-семантическая структура каждого высказывания в тексте такова, что некоторые лексические единицы, содержащиеся в этой структуре, выступают также в последовательности высказываний [Беллерт, 1978, с. 174]. Языковые средства, с помощью которых образуются повторы, различны в разных языках. Сравним:

C'était un vieux *canotier*, mais un *canotier* enragé... Il devait être né dans un *canot*, et il mourut bien certainement dans le *canotage* final [Maupassant, 1974, p. 86].

Tai buvo senas *irstymosi* mėgėjas, bet uolus mėgėjas... Jis turėjo būti gimęs *valtyje*, jis ir mirs tikriausiai paskutinį kartą *besiirstydamas* [Mopasanas, 1971, p. 125].

Во французском фрагменте связность строится на базисе нескольких принципов: а) связывающие элементы *canotier*, *canot*, *canotage* принадлежат к одному семантическому полю; б) все они являются существительными; в) они принадлежат к одной лексической группе слов. В переводном фрагменте используется только принцип семантической ассоциации. Различия в реализации связности объясняются в данном случае различиями в лексико-морфологической системе обоих языков.

Среди повторов особое место занимает номинализация, которая позволяет более гибко и разнообразно, чем обычные повторы, передать когерентность текста. Если в тексте оригинала используется номинализация, переводчики часто привлекают неадекватные средства выражения связности:

Les meilleurs écrivains de notre temps *ont admiré* Christian Ménétrier... Confrères et critiques s'étaient habitués à le considérer comme un poète hermétique... incapable de plaire, ce qui faisait de l'*admiration* pour son oeuvre un sentiment honorable et inoffensif [Maurois, 1975, p. 9].

Kristiano Menetrije kūryba *žavėjosi* geriausi mūsų kartos rašytojai... Plunksnos draugai ir kritikai tuo metu jau buvo įpratę į jį žiūrėti kaip į poetą išrinktiesiems... nesugebantį būti publikos mėgėliu; taigi *žavėtis* jo kūryba buvo ir kilnu, ir nepavojinga [Morua, 1970, p. 69].

Как видим, номинализация (*ont admiré* → *admiration*) в переводном фрагменте заменена обычным дословным повтором (*žavėjosi* → *žavėtis*). Замена одного способа выражения связности другим в данном случае не может быть объяснена особенностями лексико-грамматического строя.

Еще больший отход от синтаксической организации подлинника представляют переводные фрагменты, в которых исчезает не только номинализация, но и любой другой эксплицитный способ реализации связности:

La Chambre des Notaires... *répondait*. Une *réponse vague*..., justifiant d'un mot tous les officiers ministériels... [Duhamel, 1978, p. 158].

...Notarų kolegija atsakė. Bendrais... žodžiais... buvo vienu matu pateisinti visi ministerijos pareigūnai... [Diūamelis, 1980, p. 91].

Возможно, что такие нарушения в представлении связности предложений при переводе объясняются стилистическими соображениями, но разработка данной проблематики не является целью нашей статьи.

Таким образом, проведенное бинарное сопоставление текстовых фрагментов показывает, что при переводе далеко не всегда используются те принципы построения связности, те способы и средства ее выражения, которые наблюдаются в оригинале. Иногда такие отклонения от синтаксической организации текстовых фрагментов подлинника приводят к нарушениям в представлении семантической структуры данных фрагментов. Необходимость сохранять семантическую структуру подлинника требует тщательного анализа компонентов, обеспечивающих связность текста, и препятствует произвольному выбору этих компонентов при переводе.

RÉALISATION DE LA COHÉSION TEXTUELLE EN TRADUISANT DU FRANÇAIS EN LITUANIEN

S. LIBERIENĖ

Résumé

Les procédés linguistiques jouant un rôle important dans la réalisation de la cohésion textuelle peuvent se grouper en deux catégories: procédés anaphoriques et procédés cataphoriques. La traduction ne saurait être efficace si on néglige les mécanismes correspondants de la langue cible. Les ressources dont le français dispose pour effectuer les reprises nécessaires à l'enchaînement des phrases: pronominalisation, substitution lexicale, nominalisation peuvent devenir une source de difficultés pour le traducteur.

LITERATURA

Беллерт, 1978 — Беллерт М. Об одном условии связности текста. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978, вып. 8.

Брачкова, 1979 — Брачкова Д. О связности в устных коммуникатах. — В кн.: Синтаксис текста. М., 1979.

Зарубина, 1979 — Зарубина Н. Д. К вопросу о лингвистических единицах текста. — В кн.: Синтаксис текста. М., 1979.

Кожевникова, 1979 — Кожевникова К. Об аспектах связности в тексте как целом. — В кн.: Синтаксис текста. М., 1979.

- Hamon, 1981 – Hamon P. Introduction à l'analyse descriptif. – Paris, 1981.
Ross, 1982 – Ross J. Exploration du style écrit et compétence communicative. – Le français dans le monde, 1982, No 167.
Woodley, 1982 – Woodley M.-P. L'écrit en trois dimensions. – Le français dans le monde, 1982, No 167.
Duhamel, 1978 – Duhamel. Le notaire du Havre. – Paris, 1978.
Maupassant, 1974 – Maupassant G. Contes et nouvelles. – M., 1974.
Maurois, 1975 – Maurois A. Nouvelles. – M., 1975.
Diuamelis, 1980 – Diuamelis Ž. Paskje šeimos kronika. – V., 1980.
Mopasanas, 1971 – Mopasanas G. Mažoji Rok. – V., 1971.
Morua, 1970 – Morua A. Labą vakarą, brangioji. – V., 1970.

Vilniaus V. Kapsuko universitetas
Prancūzų kalbos katedra

Įteikta
1982 m. lapkričio mėn.